

может разделить вину другого, задав себе вопрос: «А был бы этот человек злым, если бы я любил его в достаточной мере?» [5, с. 94].

Еще одним представителем школы философской антропологии, уделяющим большое внимание человеческому в человеке, стал Хельмут Плеснер. Человек, по мнению философа, есть живое существо способное предъявить к себе требования благодаря эксцентричности своей позиционной формы. Так, он не просто «есть», а нечто значит и таковым считает. Человек «нравствен от природы – сам себя усмиряющий, одомашнивающий себя в модусе обращенной к себе требовательности организм. Он не может существовать вне нравов и привязанности к ирреальным нормам, которые обладают своим собственным весом, позволяющим им претендовать на признание». Таким образом, сущностный склад позициональности человека превращается для него в совесть – источник морали и нравственности. Но в тоже время она становится и цензурой, из-за которой постоянно разгорается конфликт с его «низшей» природой [7, с. 274].

В итоге необходимо понимать, что невозможно однозначно ответить на вопрос «можно ли с философской точки зрения в полной мере считать психопата человеком?», равно как невозможно дать удовлетворительный ответ на вопрос «что делает человека человеком». Однако становится вполне очевидным факт актуальности данной темы и необходимости философского осмысления как самого диагноза «психопатия», так и различного рода душевных расстройств. На наш взгляд, исследование в данном направлении является существенным для понимания природы человека и культурно-исторических процессов, непосредственным участником коих он является.

Литература

1 Хаэр, Р. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов / Р. Хаэр. – М. : Вильямс, 2007. – 235 с.

2 Полунина, А. Г. Антисоциальное поведение: нейропсихологические корреляты и роль нейробиологических факторов / А. Г. Полунина, Е. А. Брюн // Социальная и клиническая психиатрия. – 2013. – (№ 4). – С. 83–90.

3 Goleman, Daniel. Brain defect tied to utter amorality of the psychopath / Daniel Goleman // The New York Times [Электронный ресурс]. – URL <http://www.nytimes.com/1987/07/07/science/brain-defect-tied-to-utter-amorality-of-the-psychopath.html> (Дата обращения: 03.02.2017)

4 Панин А. В. Философия: учебник (у.п) / А. В. Панин, П. В. Алексеев. – М. : ТК Велби, 2005. – 608 с.

5 Гуревич, П. С. Философская антропология (у.п) / П. С. Гуревич. – М. : Омега-Л, 2010. – 607 с.

6 Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – 95 с.

7 Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер. – М. : РОССПЭН, 2004. – 367 с.

УДК 930.85:378:34(470)«18»:929*В.Д.Спасович

А. И. Фелькин

В. Д. СПАСОВИЧ – ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРОФЕССОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается период преподавательской деятельности известного российского правоведа – Владимира Даниловича Спасовича. Исследуются особенности

чтения курса лекций этого человека в Санкт-Петербургском университете. Отображается отношение к лектору со стороны студенчества. Статья акцентирует внимание на причинах ухода этого профессора из Alma mater и чтении им лекций в «Вольном университете».

В. Д. Спасович вошел в историю как «король русской адвокатуры», но есть еще одна яркая страничка его деятельности – период преподавательской деятельности в Петербургском университете. В. Д. Спасович получил доступ к преподавательской деятельности, благодаря выходу его диссертации «Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву» и приглашению на вакантное место приват-доцента на кафедру гражданских законов Царства Польского. Однако судьба нового преподавателя распорядилась по-другому, обратив его в область уголовного права. Впоследствии Владимир Данилович был избран адъюнктом по кафедре уголовного права. Это стало возможным благодаря рекомендации профессора К. Д. Кавелина, который на протяжении всей его жизни был его учителем и близким другом. Для Владимира Даниловича открывались широчайшие возможности для преподавательской и научной деятельности. К тому же на него были возложены обязанности секретаря юридического факультета. В. Д. Спасович вошел в число преподавателей – выходцев из интеллигенции. Остальные его коллеги были выходцами из духовенства и дворянства [1, с. 432].

Императорский Санкт-Петербургский университет был одним из ведущих центров сосредоточения демократической интеллигенции. Он явился местом, где молодежь знакомилась с прогрессивной профессурой того времени в лице таких «гигантов» как М. М. Стасюлевич, К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, Н. И. Костомаров и В. Д. Спасович.

В период преподавательской деятельности Владимир Данилович приобрел огромный общественный авторитет среди студенчества. Ряд студентов, посещавших курсы этого правоведа, отмечали их высокую научную значимость и новизну. Еще одной стороной этих лекций было яркое, образное и понятное изложение. В данных лекциях педагог разрушал старые, дореформенные теории в области уголовного права. Правовед знакомил студентов с прогрессивными правовыми и философскими идеями Запада, в том числе взглядами Фихте, Канта, Гегеля. Л. Ф. Пантелеев, являвшийся один из студентов этого лектора, указывая на ряд внешних дефектов при чтении курса (интонация, повтор слов), все же отмечал высокое научное содержание и гуманно-прогрессивные взгляды В. Д. Спасовича [2, с. 121].

Курс В. Д. Спасовича был двойной: уголовное право с теорией и история судебных институций с древнейших времен. Помимо энциклопедического уровня для преподавателя было характерно 2 стремления: делиться с публикой своими мыслями и вызывать их обсуждение. Последнее особенно отразилось в 1860-м г. во время чтения курса «О судебном-уголовных доказательствах». В конце лекции профессор сказал: «Я жду возражений, я бы радовался самой едкой критике. Критика, опровержение величайшие почести, какие могут оказать мыслящему человеку» [3, с. 492].

Студенты любили профессора и по причине того, что он больше других преподавателей заботился об их нуждах. Лектор часто был организатором литературных вечеров, спектаклей и концертов, вырученные деньги от которых шли в «каассу» для поддержания бедных студентов. Известно, что В. Д. Спасович вместе с профессорами И. Е. Андреевским и А. П. Чебышевым-Дмитриевым оказывали поддержку Н. С. Таганцеву, будущему известному криминалисту и государственному деятелю в период финансовых трудностей последнего.

Известнейший писатель и драматург Петр Боборыкин позднее вспоминал момент из жизни, когда профессор принимал у него экзамен: «Спасович тогда заболел к началу наших испытаний и явился позднее. Дело было вечером. С подвязанной щекой от сильнейшего флюса, хмурый и взъерошенный, он сидел один, без ассистента, за столом.

Большая аудитория – в полутьме, с двумя свечами на столе. У дверей в коридоре – студенты, «идущие на пропятае» ..., смертельно боятся проникнуть в то логовище, где их поджидает жестокий экзаменатор».

Однако на всю кажущуюся суровость перед началом экзамена, П.Д. Боборыкин, называл профессора справедливым и нисколько не придирчивым [4].

В лекциях В. Д. Спасовича, как и других представителей либеральной профессуры, слышен был призыв и напутствие для будущей деятельности, связанный с приближением эпохи великих реформ.

Многие его студенты в будущем займут ряд важнейших постов в Российской империи. В последующие десятилетия Владимир Спасович будет иметь возможность с ними встречаться. На многих судебных баталиях В. Д. Спасович противостоял своему воспитаннику, но уже государственному обвинителю – А. Ф. Кони. Последний, когда-то с удовольствием посещал курс уголовного права этого лектора, а теперь противостоял своему учителю. На протяжении всей жизни этих людей будут связывать теплые узы дружбы.

Одним из его любимых студентов был Н. А. Неклюдов, ставший в будущем обер-прокурором и товарищем министра внутренних дел. Однако отношение между ними в последующие десятилетия сложились более враждебно, что было связано с нападками Н. А. Неклюдова на суд присяжных и адвокатуру.

В июле 1860 г. В. Спасович был избран экстраординарным профессором по кафедре уголовного права. Осенью того же года правовед читал курс лекций «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с устройством и судопроизводством», который имел большой успех у студенчества. В них лектор разрушал теорию формальных доказательств, являвшихся ядром традиционной системы уголовного процесса и судопроизводства.

В 1861 г. в Санкт-Петербургском университете начались студенческие волнения, ставшие реакцией на издание властью так называемых «майских правил». Последние запрещали сходки, публичные лекции, депутации, жалобы, вводили плату за прослушивание лекций, а также были направлены на недопущения в ВУЗы «малоимущей» молодежи. Многие студенты и преподаватели отстаивали базовые принципы университетской автономии, право студентов на самоуправление и социальные гарантии.

Еще одной причиной выступлений было обострение противоречий в связи с проведением крестьянской реформы [5, с. 263].

В конце сентября 1861 г. генерал Г. И. Филипсон, являвшийся попечителем петербургского учебного округа, собрал заседание Совета университета, на котором последний обязал преподавательский состав помогать власти в проведения дисциплинарных мер против студентов. 15 из 29 членов на этом Совете (в том числе К. Д. Кавелин и В. Д. Спасович) указали, что «полицейские обязанности не входят круг деятельности профессоров». Г. И. Филипсон достаточно категорически ответил, что не желающие выполнять требования начальства, находясь на государственной службе, могут ее оставить. Последняя капля терпения профессоров истекла после того как 12 октября 1861 г. около 300 студентов оказались в застенках Петропавловской крепости и Кронштадта. Выплаты стипендии и пособий студентам были прекращены, а сам университет закрыт.

Преподаватели Петербургского университета разделилась на группировки: одни за то, чтобы покинуть в знак протеста *Alma mater*, а другие, предпочитали все-таки остаться, питая надежды на то, что вскоре все переменится к лучшему: студентов, которые сотнями находятся в тюрьмах выпустят, в министерство народного просвещения придут другие, более лояльные кадры чем прежде, а университет снова откроется.

Профессор уголовного права господин Спасович выбирает первый вариант – путь ухода из *alma mater*. Так В.Д Спасович закончил свою преподавательскую деятельность в университете и ушел в отставку вместе с виднейшими представителями университета –

К. Д. Кавелиным, А. Н. Пыпиным, М. М. Стасюлевичем и Б. И. Утиным и академиком П. А. Плетневым, который 20 лет возглавил университет.

Эти профессора также побуждали и других представителей профессуры покинуть университет. Впоследствии известный ученый и общественный деятель, связанный с Украиной и Россией – Н. И. Костомаров в этой связи вспоминал: «Они хотели нравственным давлением побудить к тому же и других профессоров из круга тех, которые прямо не поддерживали правительственных распоряжений» [6].

Наметившийся раскол стал причиной охлаждения отношений между двумя группировками. По словам П. Д. Боборыкина, после ухода этих преподавателей из-за столкновения с начальством «академическая жизнь университета пошла в другом направлении, гораздо более тусклом». В своих воспоминаниях В. Д. Спасович с легкой ностальгией отмечал, что для него лучшая профессия – профессорство [4].

Для оставшихся без обучения студентов В. Д. Спасович и другие петербургские ученые организовали чтение публичные лекции в созданном «Вольном университете». Целью этого «университета» была попытка в форме публичных лекций возродить чтения университетских курсов.

Чтение лекций происходило в училище святого Петра и залах Петербургской городской думы. В «вольном университете» преподавали такие известные ученые как И. И. Ивановский (международное право), И. М. Сеченов (физиология), М. М. Стасюлевич (история), Н. Н. Соколов (химия), К. Д. Кавелин (гражданское право), А. В. Гадолин (физика), А. Н. Бекетов (морфология растений), И. Я. Горлов (политическая экономика), Д. И. Менделеев (химия), В. Д. Спасович (уголовное право), Б. Ф. Калиновский (финансовое право) и Н. И. Костомаров (история).

Чтение публичных лекций оказывало значительное влияние на просвещение общества. Эти лекции посещало не только студенчество, но и заинтересованная публика.

Доказательством оригинальности лекций Владимира Спасовича можно привести воспоминания одного из виднейших правоведов России, его современника – А. Ф. Кони: «Сложные понятия о преступлении и наказании развивались ... ярко и понятно, очень часто художественно и всегда с той широтой, которая одна дает уголовному праву основание называться наукой, а не сбором теоретических положений, чуждых жизни и подчас тяжелых для совести человека» [7, с. 422].

Чтение публичных лекций оказалось недолгим. В связи с тем, что профессора П. В. Павлова отправляли в ссылку, был собран Совет на квартире В. Д. Спасовича. Профессора были крайне возмущены действиями III отделения. На Совете был поставлен вопрос о прекращении чтения публичных лекций. Б. И. Утин, В. Д. Спасович, Н. И. Костомаров, К. Д. Кавелин и М. М. Стасюлевич были сторонниками продолжения чтения курсов, однако в большинстве участники Совета высказались за прекращение лекций. Согласно предварительной договоренности, меньшинство подчинилось решению большинства, и чтение лекций прекратилось [2, с. 201–202].

После закрытия «вольного университета» В. Д. Спасович занялся журналистикой, а с 1866 г. и до конца жизни избрал стезю адвокатской деятельности, что не мешало поддерживать связь с Alma mater. «Король российской адвокатуры» прочел серию докладов во время пребывания в Юридическом обществе Петербургского университета. Этот человек является участником разработки устава об университетах 1863 г. В 1891 г. юрист прочитал в Петербургском педагогическом музее публичные лекции по теме «Новые направления в науке уголовного права», которые позже были опубликованы в авторитетном издании «Вестник Европы».

Литература

1 Быков, П. В. В. Д. Спасович / П. В. Быков // Всемирная иллюстрация. Т. 45. – СПб., 1891. – № 1170. – С. 431–432.

- 2 Пантелеев, Л. Ф. Воспоминания / Л. Ф. Пантелеев. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 259 с.
- 3 Арсеньев, К. К. Спасович в юридическом Обществе / К. К. Арсеньев // Вестник права. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 492–498.
- 4 Боборыкин, П. Д. За полвека. Воспоминания [Электронный ресурс] / П. Д. Боборыкин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0060.shtml. – Дата доступа: 11.02.2016.
- 5 Джаншиев, А. В. Эпоха великих реформ / А. В. Джаншиев. – Москва : Типография «Рассвет», 1898. – 798 с.
- 6 Костомаров, Н. И. Автобиография [Электронный ресурс] / Н. И. Костомаров. – 1890. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kostomarov_n_i/text_1890_autobiografia.shtml. – Дата доступа: 23.02.2017.
- 7 Кони, А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Том 5 / А. Ф. Кони ; под ред. В. Г. Базанова. – М. : Юридическая литература, 1968. – 534 с.

УДК 94:355.665-027.252(470)«11/13»

Н. В. Фролов

ЗАЩИТНОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ НА РУСИ В XII–XIV ВЕКАХ

Сообщение посвящено защитной экипировке, которая использовалась древнерусскими воинами в XII–XIV вв. Рассмотрены такие составные части вооружения, как кольчуги, пластинчатые доспехи, наручи, бригадины. Сообщение построено на основе письменных, изобразительных и археологических источников, включая материалы новых открытий. Древнерусские доспехи, испытывая влияния соседей как с Востока, так и с Запада, отличаются оригинальностью технического исполнения.

В XII–XIV вв. боевая одежда Древней Руси была существенно изменена по сравнению с предшествующей эпохой. В середине XIII в. кольчуга уступает свое лидирующее положение пластинчатым прикрытиям тела воина. Эта новая система защиты стала называться термином «доспех». В связи с этим слово «броня», относящееся к обозначению кольчуги, почти исчезает.

Древняя Русь являлась крупнейшим производителем оружия. Вместе с тем, объективным подтверждением данного положения могут служить лишь остатки самого производства – ремесленные помещения, заготовки, бракованные изделия, специализированные инструменты, готовая продукция и пр. До недавнего времени такие комплексы не были известны науке, а разрозненные находки, касающиеся оружейного дела, – не поддавались однозначной трактовке. В 1987 году в районе бывшего кинотеатра им. Исаченко в Гомеле под руководством О.А. Макушниковой была раскопана оружейная мастерская, погибшая в огне около 1239 г. Характер находок позволяет охарактеризовать ее хозяина как слесаря-сборщика, который специализировался на сборке защитного (пластинчатых доспехов, кольчуг, наручей и т. д.) и наступательного (мечей и сабель) вооружения. Открытие оружейной мастерской в летописном Гомии приобретает особое значение для древнерусской археологии и изучения вооружения в целом [3, с. 121].

Из предметов защитной экипировки в Гомеле найдены обломки трубчатого шарнирного наруча-налокотника, обрывки кольчужного плетения и доспешные пластины. Чрезвычайная редкость шарнирного трубчатого наруча в древнерусских и вообще восточноевропейских материалах отмечалась в специальной литературе. Гомийский наруч аналогичен единственному известному в древнерусской археологии экземпляру,